

28195

Эдит Пиаф - "Самая маленькая из великих актрис"

Смелая. - С. 170 - 1995 - 28 янв. - с. 4.

"Жизнь ее была так печальна, что рассказ о ней почти неправдоподобен - настолько он красив"

Саша ГИТРИ

КНИГИ о звездах во все времена пользовались популярностью во всех странах. У нас же таких книг всегда было мало. Не сильно изменилась ситуация и сейчас. Издательства почему-то не очень любят издавать рассказы о судьбах знаменитостей. Те книги о жизни актрис, певцов и музыкантов, что все же выходят, расходятся очень быстро. Можно вспомнить, как раскупилась выпущенная примерно год назад книга о Мерлин Монро: пятидесятитысячный тираж был распродан за месяц. Потому можно предположить, что появившейся в петербургских книжных магазинах на этой неделе книге Симоны Берто "Эдит Пиаф" (издательство "Северо-Запад", тираж 25 тысяч экземпляров) также гарантирован успех. Тем более что это одна из самых добрых и искренних книг из написанного женщиной о женщине.

В КНИГЕ весь путь Эдит - от брошенной матерью девочки, домом для которой был сначала публичный дом (здесь она жила у своей родственницы), а затем - улицы Парижа, где своим пением она зарабатывала деньги, до одной из самых великих певиц двадцатого века, выступавшей во всех лучших залах мира.

Это роман об очень одинокой де-

вочке, жившей одним днем и никогда не думавшей о том, что будет завтра. Одновременно она была упрямой девчонкой, мечтавшей стать знаменитой певицей и верившей в свое великое будущее так же сильно, как с детства она верила в чудеса.

"Эдит с детства верила в чудеса. И была права, - пишет Симона Берто. - До самого конца ее жизнь была

не чем иным, как чудом. У нее была душа ребенка. Она любила красивые истории. Когда ей их рассказывали, она широко открывала глаза, складывала руки на коленях и слушала как зачарованная..."

Впрочем, для веры в чудеса у Эдит были все основания. В то время, когда Эдит жила у своей тети, работавшей кухаркой в публичном доме, она была слепой. Но однажды - то ли благодаря усердному лечению, то ли благодаря молитвам обожавших ее "дам", которые верили в то, что она когда-нибудь будет видеть мир, Эдит прозрела. И прозрела в точно определенный день - день Святого Людовика.

Встречу с Симоной тоже можно отнести к области чудес, сопровождавших Эдит всю жизнь. Симона Берто познакомилась с Эдит Гассион (Эдит Пиаф она стала много позднее), своей сводной сестрой, когда будущей звезде было 15, а Симоне 12 лет. Отец привел Эдит познакомиться с Симоной, чтобы "девочки подружались". И они подружались. Симона ушла из дома и стала жить

с сестрой, чье влияние на нее было безгранично. До самой смерти Пиаф ее сестра была самым близким другом певицы, партнером по работе на улице (Эдит пела, а Симона выступала с акробатическими номерами), помощницей во всех начинаниях - от вязания первого концертного платья до сопровождения во всех поездках по миру, самой терпеливой слушательницей - часами длились монологи Пиаф, и никто, кроме сестры, их не слышал. Симона была с ней, когда родилась дочь Эдит и когда она умерла, когда она впервые вышла на сцену и когда она переживала самые тяжелые моменты. Симона оставляла ее лишь тогда, когда кто-то оказывался важнее для сестры, и приходила, когда Эдит вновь оставалась одна. Симона была единственным человеком, который знал действительно всю жизнь Эдит Пиаф.

В бесконечной череде встреч и потерь, смене улиц и городов, взлетов и разочарований неизменным оставалось одно: когда Эдит говорила: "Приезжай!", Симона бросала все и мчалась в любую часть

света, забывая о своей собственной жизни. Поэтому рассказ Симоны отличается от многих таких книг то, что в ней действительно рассказ о Пиаф, а не о том, "какой была я рядом с моей знаменитой сестрой". Симона Берто опускает многие детали своей личной жизни (почти ничего не говорится в книге о ее собственном замужестве, о жизни ее ребенка). Все, что не имеет отношения к жизни Эдит, исключается. Зато о каждой встрече сестры с людьми, сыгравшими в ее жизни важную роль, она рассказывает очень подробно.

Она пишет об Иве Монтане, о Шарле Азнавуре, о Жане Кокто, Жане Габене, Марселе Карне, Марселе Седане. Об очень известных людях и тех, кто стал знаменитым благодаря Эдит. Есть и те, кто сделал знаменитой Эдит Пиаф. О них Симона Берто пишет с особенной нежностью, не прощая и не щадя тех, кто предавал сестру, кто смел бросить ее. А бесконечные разрывы были частью жизни певицы. Как и любовь.

"Когда Эдит любила, ей каза-

лось, что это всегда было в первый раз, на всю жизнь и никогда не было ничего подобного. Я же считала, что менялись только объекты, - пишет Берто. - Любовь Эдит напоминала температурную кривую. Вначале стрела шла вверх, прямо к 42 градусам, термометр разрывался. Потом жар спадал, и кривая напоминала зубья пилы. Я называла это периодом "американских гор". Потом наступал упадок, ниже 35 градусов, ей становилось холодно, сердце забло, и она начинала кого-нибудь искать. Чтобы жить с Эдит, нужно было обладать железным здоровьем!" И сил на то, чтобы быть рядом с Эдит, хватало не у всех.

И Эдит понимала это. И всегда объявляла о разрыве сама. Правда, личный разрыв никогда не вел к тому, чтобы разрывались отношения творческие. Она помогала своим бывшим возлюбленным встать на ноги, получить приглашения и контракты, она продолжала им заказывать песни, сниматься с ними в кино, выступать в одних программах. И лишь спустя годы многие поняли это. Как и то, что Эдит нель-

зя было заставить вести себя так, как хотели другие.

Нет, она научилась, хотя и с трудом, есть ножом и вилкой, вести светские беседы, выбирать платья в самых дорогих магазинах. Научилась всему, что должна уметь актриса, и со временем уже учила мастерству новичков, тоже ставших звездами. Сама ставила свои концерты. Но, например, копить деньги и думать о том, где она будет жить завтра, Эдит так и не научил никто. Как и тому, что можно жить с нелюбимым человеком.

Она не представляла своей жизни без концертов, без публики, но предпочитала не встречаться со своими почитателями после концертов. "Зрители, ждущие у служебного выхода, уже не те, кто был только что в зале, они стали другими, - говорила Эдит Пиаф. - Их руки трябуют. Они больше не ласкают - они хватают. Их глаза оценивают, судят: "Смотрите-ка, а она не так хороша, как казалась со сцены!" Их улыбки как звериный оскал... Артисты и публика не должны встречаться. После того как занавес падает, актер дол-

жен исчезнуть, как по мановению волшебной палочки!" И она исчезала для всех, кроме близких друзей и любимых. И жила так, как считала нужным, не обращая внимания на слухи и легенды, витавшие вокруг нее. Но она знала, что долгой такая жизнь без оглядки быть не может.

За несколько дней до смерти она сказала Момоне (Так Эдит звала сестру): "Я ни о чем не жалею...". Но потом добавила: "Берегись, Момона, не делай глупостей в жизни: за каждую приходится расплачиваться..." И она платила за свои ошибки. Но всегда сама - и по самой дорогой цене. Однако ни на чьи плечи расчеты с жизнью не перекладывала, любой поступок был ее поступком, и каждый выбор - ее выбором. Каждый день, каждая песня, каждый мужчина...

После долгих месяцев болезни Эдит Пиаф умерла в возрасте 47 лет. И "похороны Эдит были такими же из ряда вон выходящими, как и ее жизнь, так же перешли пределы обычного!" - написала в конце своего рассказа о сестре Симона Берто.

Алиса ЛИСИЦЫНА

Пиаф Эдит